

Вилла Кан — знаменитый район вилл в городе Ин, представляющий собой закрытый элитный комплекс с отдельными виллами. Для обеспечения максимальной конфиденциальности и безопасности жильцов вход требует трёхступенчатой проверки: карта доступа, отпечаток пальца и идентификация охраны. Вилла, в которой жил Ци Фэйжань, состояла из трёх этажей. Пройдя через главный вход, можно было увидеть дорожку, выложенную разноцветной галькой. По обеим сторонам дорожки стояли каменные скамейки причудливых форм, рядом с которыми росли осенние цветы, ещё не увядшие, а также несколько высоких деревьев, казавшихся весьма старыми. Дорожка сворачивала направо, где находилась лунная арка, за которой начинался двор виллы.

Ци Фэйжаня, словно большой багаж, тащил за собой Линь Шисинь. У Линь Шисиня не было настроения восхищаться роскошью виллы и богатством этого бессовестно богатого человека, он спешил найти спальню. Проблуждав по коридорам, он наконец открыл дверь и увидел кровать Ци Фэйжаня... а также маленький столик, пластиковый стул, лампу и другие вещи из их скромной комнаты в жилом комплексе «Сад века».

Линь Шисинь вздохнул.

— Ты, право...

Он не знал, что сказать, и, свернув Ци Фэйжаня в клубок, засунул его под одеяло. Подумав, он снял с него одежду.

Ци Фэйжань почувствовал холод в груди и открыл глаза. Увидев, что Линь Шисинь пытается вытащить одежду, которая оказалась под его телом, он мгновенно протрезвел и, схватив Линь Шисиня, потянул его на кровать, начав целовать его голову и лицо.

— Чёрт, отпусти! — Линь Шисинь шлёпнул его по голове и, тяжело дыша, сел. — Сгори ты уже, лучше бы я оставил тебя умирать!

Ци Фэйжань, получив удар по голове, почувствовал ещё большую слабость и покорно упал на бок, позволив Линь Шисиню снять с него одежду, надеть мягкую пижаму, налить стакан воды и, обняв его голову, поить его понемногу.

Линь Шисинь, глядя на его покрасневшее лицо, с сомнением сказал:

— Ты точно хочешь, чтобы я тебе поставил капельницу? У таких, как ты, наверняка есть семейный врач. Пусть он придет и сделает это, хорошо?

Ци Фэйжань без страха протянул ему руку.

Линь Шисиню ничего не оставалось, как повесить капельницу. Линь Юээ, его мать, часто болела, и Линь Шисинь привык сам приносить из больницы капельницы и ставить их. Он привык к венам на руке матери, а теперь тщательно разминал руку Ци Фэйжаня, пытаясь найти подходящее место для укола.

Его рука была большой и грубой, с выступающими костяшками и лёгким слоем мозолей на ладони. Неужели этот «молодой господин» тоже работает? — подумал Линь Шисинь.

Найдя вену, он аккуратно ввёл иглу, закрепил её пластырем, положил руку на край кровати и собрался уходить.

— Не уходи, — сказал Ци Фэйжань.

Линь Шисинь с досадой закрыл глаза.

— Не уйду, пойду сварю кашу.

Накормив его рисовой кашей и закусками, Линь Шисинь заметил, что Ци Фэйжань смотрит на него горящим взглядом, настойчиво показывая, чтобы тот лёг рядом. В голове Линь Шисиня пронеслось тысяча проклятий, он мысленно повторял: «Бить больного — это уже слишком», «Как только поправишься, я тебя отлуплю тысячу раз», но, смирившись, лёг рядом с Ци Фэйжанем.

Ци Фэйжань, с его горячим и покрасневшим лицом, не мог оторвать взгляда от Линь Шисиня, не желая закрывать глаза.

— Что ты нашёл в этом разноцветном лице? — произнёс Линь Шисинь, глядя в потолок.

— Кто бы это ни сделал, я отомщу за тебя, — сказал Ци Фэйжань.

Линь Шисинь усмехнулся.

— Спи уже, тебе нужно много отдыхать.

Через некоторое время Ци Фэйжань всё ещё не спал, зато Линь Шисинь начал слегка похрапывать. Ци Фэйжань украдкой вынул иглу, позволяя лекарству медленно капать на пол, затем повернулся и нежно поцеловал Линь Шисиня в щеку.

Они проспали до пяти часов вечера. Уходя в обед, Линь Шисинь уже договорился с классным руководителем о пропуске занятий, так что во второй половине дня ему не нужно было идти в школу. Линь Шисинь посмотрел на Ци Фэйжаня, который спал рядом, измерил температуру его лба тыльной стороной руки и, убедившись, что она немного снизилась, с облегчением встал и отправился на кухню, чтобы поискать продукты.

Однако холодильник оказался пустым, даже не был подключён к розетке. В шкафу нашлась только упаковка риса, ни одного яйца. Как говорится, даже самая искусная хозяйка не сможет приготовить обед без продуктов. Линь Шисинь долго размышлял, но так и не придумал, что можно сделать на ужин.

Вернувшись в спальню, он заметил, что Ци Фэйжань сел, но, как только Линь Шисинь появился, тот притворился спящим и с шумом упал обратно под одеяло.

— Не притворяйся, я видел, — с улыбкой сказал Линь Шисинь. — У тебя тут ничего нет, я пойду куплю продукты.

Ци Фэйжань мгновенно вскочил.

— Я тоже пойду.

— Куда ты пойдешь? Я сбегая в магазин внизу и сразу вернусь.

— Внизу нет магазинов, ближайший супермаркет за пределами виллы, и ты не сможешь вернуться без карты и отпечатка пальца, — сказал Ци Фэйжань.

Линь Шисинь подумал: «Лучше бы ты с голоду помер», — и ответил:

— Тогда я не вернусь.

Ци Фэйжань подпрыгнул, как на пружинах, схватил пальто, обнял Линь Шисиня и потащил его за собой.

Ближе к вечеру, выйдя на улицу, они попали в порывистый ветер. Уходя днём, Линь Шисинь был одет только в школьную форму, и теперь Ци Фэйжань, укутав его в своё пальто, с улыбкой смотрел на него.

— Я не буду спорить с больным, но ты тоже не заходи слишком далеко, — строго сказал Линь Шисинь.

Ци Фэйжань обнял его ещё крепче.

Супермаркет за пределами виллы был импортным. Линь Шисинь, глядя на ценники, покачивал головой, восхищаясь.

Ци Фэйжань, сияющий от счастья, то бросал в тележку пакет апельсинов, то несколько стейков, а затем добавил коробку кисломолочного напитка, который любил Линь Шисинь.

— Ты же не умеешь готовить, а доставка сюда не доходит. Тебе стоит запастись лапшой быстрого приготовления, чтобы было что есть в одиночестве, — сказал Линь Шисинь.

Ци Фэйжань словно замер, его лицо потемнело.

— Что ты ел в выходные? У тебя тут вообще ничего нет, даже мешок риса был запечатан, пока я его не открыл, — спросил Линь Шисинь.

— Рис мне подарил Юй Цзиндун на новоселье. Я ел шоколад, чипсы и пил напитки.

— Шоколад и чипсы? Это же мои закуски, которые я забыл у тебя! — удивился Линь Шисинь.

— Да, я всё перевёз сюда, — ответил Ци Фэйжань.

Линь Шисинь почувствовал горечь.

— Ты ел мои закуски, не спросив меня? Я тебе разрешал?

— Тогда я тебе возьму, — сказал Ци Фэйжань, указывая на полки супермаркета. — Бери всё, что хочешь, и оставляй у меня дома.

Пужинав, Ци Фэйжань, воспользовавшись своей болезнью, продолжал приставать к Линь Шисиню. Когда тот мыл посуду, Ци Фэйжань пытался помочь, а как только Линь Шисинь поворачивался, он быстро ополаскивал тарелки и снова шёл за ним. Линь Шисинь хотел снова измерить ему температуру, но Ци Фэйжань уклонялся.

И снова получил шлёпок по голове.

Ци Фэйжань, потирая ушибленное место, покорно сел на кровать и зажал термометр под мышкой.

Молодой организм быстро справился с болезнью. Даже несмотря на то, что половина капельницы оказалась на полу, а таблетки были выплюнуты, пока Линь Шисинь не видел, после дневного сна температура спала.

Линь Шисинь, глядя на показания термометра в свете лампы, сказал:

— Тридцать семь и пять, ну наконец-то. Ты отдыхай, я пошёл.

— Куда ты? Уже поздно, — Ци Фэйжань встал и преградил ему путь.

Линь Шисинь настороженно посмотрел на него.

— Ещё нет девяти вечера, я мужчина, доберусь домой на автобусе.

Ци Фэйжань опустил глаза, молча взглянул в окно и воскликнул:

— О, снег!

Затем, обняв Линь Шисиня, подвёл его к окну. В свете уличных фонарей несколько снежинок медленно кружились в воздухе, некоторые прилипали к стеклу, другие падали на землю. Снег становился всё гуще, словно лёгкие перья, медленно опускающиеся на землю.

— Первый снег в этом году, — сказал Линь Шисинь.

Ци Фэйжань обнял его сзади, положив голову на его плечо, и, наклонившись, посмотрел в глаза Линь Шисиня. Его тёмные, чистые глаза, словно чёрные алмазы, отражали снежный пейзаж за окном. Чёткие брови изящно изгибались, уходя в сторону висков. Сейчас он слегка сжал губы, словно что-то обдумывая. Ци Фэйжань, наблюдая за ним последние полгода, уже научился понимать каждое его выражение. Линь Шисинь, несмотря на худобу, был упрямым и бесстрашным, его прямая осанка и движения излучали чувство независимости и гордости.

<http://bllate.org/book/17671/1647117>